

ОБРАЗ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ, МИР ЛИКИЙСКИХ ЧУДОТВОРЦА, В ФОЛЬКЛОРЕ

В.Г. СМОЛИЦКИЙ
(Москва)

ВОЛЬГА И МИКУЛА: ДВЕ ЭПОХИ – ДВА МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Былины «Вольга» и «Вольга и Микула» возникли в разное время и отразили различные эпохи, из которых одна связана с дохристианским мировоззрением, а другая – с христианским.

Былина о Вольге – одна из самых древних, дошедших до XIX в. Это признано большинством исследователей. Ее герой – центральный и единственный персонаж, предводительствующий безликой *дружиной*, *дружинушкой*, с которой он охотится и побеждает чужестранного (*индейского* или *турского*) царя. Тексты этой былины зафиксированы на Русском Севере, Урале и Алтае. Самый старый из них – уральский, из сборника Кирши Данилова, где герой назван Волхом Всеславичем. Текст этот относится к XVIII в. и записан, вероятно, на демидовских заводах. Он является и наиболее полным [Кирша Данилов, № 6].

Отрывок о чудесном рождении богатыря записан также на Алтае, в Барнауле С.И. Гуляевым от крестьянина Леонтия Тупицына из д. Ересная [Гуляев, № 35]. В этом тексте, во многом повторяющем уральский, *народившийся* герой не назван по имени.

В «Печорских былинах» Н.Е. Ончукова также находится отрывок под названием «Вольга Всеславьевич». Он записан на Печоре в Пустозерской волости от Павла Григорьевича Маркова. В нем описан испуг животных в связи с рождением богатыря:

*Рыба отступила в морскую глубину...
Птица солеталась по поднебесью...
Тонка горностали – во сыру землю*
[Ончуков, № 84].

Указано, что Вольга учился оборотничеству (*«учился в вольном море щукою ходить...»*) и т.д.). Далее большой фрагмент текста – несомненно, позднего происхождения – занимает рассказ, как мать Вольги ходила *«по всем церквям, служила молебны почесная»*, чтобы Господь даровал ее чаду *тулово* Святогогора, силу Самсона Колывановича, коня Ильи Муромца, кафтан Дюка Степановича и т.д. (перечисляются все известные сказителю персонажи былин).

Несколько текстов записано в Карелии. Здесь герой назван Вольгой. Наиболее полными являются варианты из сборников П.Н. Рыбникова и А.Ф. Гильфердинга, записанные от жителя Заонежья Кузьмы Ивановича Романова [Рыбников, № 38; Гильфердинг, № 91]. Несмотря на другое имя героя, в них имеются все те же эпизоды, что и у Кирши Данилова (№ 6), хотя о рождении богатыря говорится очень коротко. Большой отрывок былины, не дающий новых эпизодов, записан на Пудогге (Карелия) от шальского лодочника Потапа Трофимовича Антонова [Рыбников, № 46]. От Аксиньи в Пудожгорском погосте (Карелия) А.Ф. Гильфердинг тоже записал отрывок [Гильфердинг, № 15], в котором коротко пересказывается то, что у Романова разработано подробно.

Экспедиции XX в. в Карелии не дали никакого нового материала. Сюжет о Вольге, представленный четырьмя текстами XIX в., впоследствии перестал интересовать сказителей. Эту былину записал и А.В. Марков на Белом море от Аграфены Крюковой [Марков, № 51], но впоследствии было доказано, что этот вариант не является самостоятельным, а восходит к тексту [Кирша Данилов, № 6]¹, и поэтому в данном исследовании не рассматривается.

Итак, мы располагаем семью текстами, из которых в одном герой назван Волхом и в шести – Вольгой. По содержанию все варианты близки друг другу и не дают значительных различий.

¹ См.: [Новиков 2001, 182].

Былина начинается рассказом о рождении богатыря [Кирша Данилов, № 6; Гуляев, № 35]. Молодая княжна, гуляя по саду, наступила на змея и от него «*понос понесла*». Родители-животные, в частности змеи, – эпическое постоянное место, которое неоднократно встречается в международном эпосе, в том числе и славянском. В.М. Жирмунский писал, что происхождение от змея «обязательно для каждого юнака старого времени и объясняет его чудесную силу. Из русских богатырей "змеевичем" является Волх Всеславич» [Жирмунский 1962, 98]. Появление на свет Волха сопровождается движением небесных светил, отмечено грандиозным сотрясанием земли и воды. Весь животный мир пришел в содрогание и испуг. Изображение чудесного рождения богатыря дополняется описанием не менее чудесного детства: уже в полтора часа от роду он обращается к матери («*как гром гремит*») с требованием не пленять его в «*пелену черевчату*» и не посягать в «*поесья шелковые*», а пленять его в «*латы булатные*». С десяти лет он начинает обучаться «*хитростям, мудростям*», необходимым ему для дальнейшей жизни и совершения будущих подвигов. Главной наукой, которой он овладел в совершенстве, явилось оборотничество – умение оборачиваться самому и оборачивать других в любое животное.

И.Я. Фроянов и Ю.И. Юдин называют его «хозяином царства животных» и «чудесным охотником» [Фроянов, Юдин 1997, 33]. Думается, что последнее определение более подходит к нашему герою. В отличие от сакральных и хтонических существ, которые наделены чудесными способностями, отсутствующими у человека «от природы», Волх-Волга обучается своим «хитростям-мудростям» как особому искусству. Он становится волшебником, колдуном, волхвом в результате усвоения специальной науки. Далее повествуется о том, как он охотился и воевал: становился волком, соколом, щукой и гнал на свою дружину лисиц и куниц, уток и селезней, всевозможную дорогую рыбу, которую его воины били и ловили «*без числа*».

Былина о Волхе-Вольге, может быть, единственная, сохраняющая биографическую последовательность эпизодов, начиная от рождения героя. В других эпических циклах первые, самые древние произведения о том или ином богатыре рассказывают о его главном подвиге – победа Ильи над Соловьем Разбойником, Добрыни – над змеем. Потом, если герой полюбился, появляются новые песни о нем и его биография начинает «расширяться». Тогда складываются произведения, повествующие

о его рождении, детстве, встречах с другими богатырями, о чудесном получении им силы. Поэтому в рассказе о первом подвиге обязательно присутствует «предварительная недооценка героя» (термин, введенный А.П. Скафтымовым [Скафтымов 1994, 98]). Другие персонажи былины, как и ее слушатели, еще не могут знать, чего ожидать от впервые появившегося богатыря. Отсюда недоверие князя Владимира к Илье, опасение матери Добрыни за судьбу сына и т.п.

В былине о Волхе-Вольге мотив предварительной недооценки отсутствует, все эпизоды последовательно предопределяют друг друга, и каждый следующий вырастает из предыдущего. Необычайное рождение объясняет раннее развитие богатыря, его подвиги – результат чудесного обучения. Главным подвигом Волха-Вольги является захват чужого государства, которое в разных текстах названо по-разному. В тексте Кирши Данилова – это индийское царство [Кирша Данилов, № 6], в текстах Прионежья – это турецкая земля, Золотая Орда, царство Сангала [Рыбников, №№ 38, 146; Гильфердинг, № 15]. Название этой земли не имеет значения. За много веков устного существования былины конкретное имя государства могло меняться в зависимости от исторических и географических знаний певца, но главное, что должно быть соблюдено, – это земля *чужая*. Если сравнить былинку о Вольге с былинами о более поздних богатырях, то сразу бросится в глаза разница: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, как правило, сражаются на *своей* земле, на которую напал чужестранец. Волх-Волга отправляется воевать «*иншее*» государство. Думается, это очень важное отличие древнейшей Киевской былины от более поздних. По словам В.Я. Проппа, «поход Волха был чисто хищническим» [Пропп 1999, 73]. Впоследствии за многовековую историю текста сказителя, вероятно, пытались смягчить ситуацию, внося в песню мотив «предупредительного» характера действий богатыря, якобы узнавшего о том, что иноземный царь похвалялся взять Киев «*за щитом*». В.Я. Пропп справедливо предполагает, что этот мотив является «позднейшим наслоением» [Там же], он обращает внимание на призыв Волха к своей дружине:

*Рубите старого, малоги,
Не оставьте в царстве на семена*
[Кирша Данилов, № 6].

«О защите Киева, – замечает исследователь, – уже нет и помину» [Пропп 1999, 75].

Боевые действия ведутся тем же путем, каким велась охота, – при помощи оборотничества самого богатыря и его дружины. Чтобы выведать планы неприятеля и привести в негодность его вооружение, Волх-Вольга обращивается то птицей, то горностаем, а чтобы преодолеть высокие каменные стены, он превращает своих воинов в муравьев, которые переползают стоящее перед ними препятствие. На другой стороне, в городе врага, они снова возвращают себе облик «добрых молодцев» и одерживают победу над безоружным неприятелем, так как Волх-Вольга предварительно перепортил все его луки и стрелы. После победы дружинники делают «палоны»:

*Станем-те теперь полону поделять...
А добрые кони по семи рублей,
А острые сабли по пяти рублей,
А оружие булатное по шести рублей,
Палицы булатные по три рубля.
А то было на делу дешево – женский пол.
Старушечки были по полущечке,
А молодущечки – по две полущечки,
А красны девушки – по две денежки*
[Гильфердинг, № 91].

Все исследователи, изучавшие эту былинку, определяли ее как самую древнюю из дошедших до нас русских песенных эпических произведений. Волх-Вольга – князь по происхождению, его матерью была княжна. На княжеский статус указывает его имя: как говорилось выше, в шести текстах из семи он назван *Вальгой* и в одном – *Волхам*. Вероятно, его имя восходит к *Ольг*, *Олег*, *Ольга* – именам первых русских князей. Звук «в» в имени богатыря является протеническим, т.е. добавочным в начале слова. Это известный в русском языке процесс: «осемь» – «восемь», «отчина» – «вотчина». Имя Волх, возможно, представляет вариацию того же имени, возникшую в результате замены в диалектах твердого «г» на «г» фрикативное, близкое по звучанию «х». В «Именослове» М. Моршкина приведены как равнозначные варианты: *Ольг*, *Олег*, *Олех* [Моршкин 1867, 142 (2-я паг.)], *Ольга*, *Ольха* [Там же, 143 (2-я паг.)].

В Древней Руси личные имена были социально маркированы. Еще историк М. Погодин обратил внимание на существование в прошлом особых «княжих» имен, продолжавших бытовать наряду с христианскими [Погодин 1853, 65]. Действительно, «Словарь древнерусских личных собственных имен», составленный М.М. Тупиковым, фиксирует 14 человек с именем Ольг (Олег), и все они только кня-

жеского рода [Тупиков 1903, 344]. К «княжеским», по-видимому, относилось и женское имя Ольга. М. Тупиков отмечает пять носительниц этого имени – княгинь и княжон [Там же, 518]. Правда, в 1646 г. имя оказалось принадлежанием просвирине, но оно было использовано в уменьшительной форме – *Ольгиница*: в XVII в. социальная именная стратификация уже изживала себя.

О княжеском статусе нашего богатыря свидетельствует не только его имя, но и место среди других персонажей произведения. Более поздние богатыри – «слуги» «ласкового» князя или царя, как правило, киевского Владимира или московского Ивана Васильевича. В отличие от Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, Никиты Романовича и других, Вольга является полновластным повелителем, отражая тот исторический период, когда князь сам вел свою дружину в поход, как это делали Рюрик, Олег, Игорь, Святослав. Волх-Вольга по своему поведению и социально-политической роли близок этим первым известным киевским князьям. Он одновременно руководитель государственной, военной, а также духовной – ситуация, возможная только в дохристианский период Киевского государства.

В.Я. Пропп и Б.Н. Путилов настаивают на том, что князь Олег, правивший после Рюрика, не имеет к Волху-Вольге никакого отношения, так как «в походе Волха, описанном в былинке, нет <...> буквально ничего похожего на поход Олега, каким он описывается в летописи» [Пропп 1999, 73]. Действительно, ни одно из известных нам событий княжения Олега не находит своей аналогии в действиях Волха-Вольги. Однако представим себе, что песни и предания об Олеге, прежде чем дойти до нас, прошли многовековую путь в устном бытовании, когда, с одной стороны, живые подробности забывались, с другой – образ обрстал новыми деталями, характерными для общих эпических мест. При этом сходство Вольги былинного и Олега летописного окажется более существенным, чем сходство только ономастическое. Так, главная особенность Волха-Вольги заключается в том, что он является князем-колдуном. Все его охотничьи и ратные подвиги достигнуты колдовством. Летописный князь Олег тоже общался с колдунами: «*Бе бо въопрошал волхвов и кудесник*» [ПВЛ, 20]. И самого его прозвали «*вещим*». Это слово в древности означало одновременно «сведущий и мудрый» и «наделенный сверхъестественной силой, волшебный» [СРЯ 1975, 136]. Христианин-летописец пояснил, почему современники называют Олега вещим: «*бяху*

бо люди погани и неведгаси» [ПВЛ, 17] («были люди язычниками и непросвещенными» [Там же, 153]).

Русские летописи неоднократно упоминают о борьбе с волхвами и чародеями. Тело летающего волхва в древнерусской повести называется «мерзким», указывается на его связь с сатаной [Жданов 1895, 410 и далее]. Оборотничество, которое в былине о Волхе-Вольге называется «хитростью-мудростью», в более позднее, христианское, время будет рассматриваться как «бесовское» наваждение, и только отрицательный персонаж может быть наделен такой способностью. В большинстве былин оборотничество – свойство врага. Слово это имеет, кроме других, значение ‘общего противника рода человеческого, дьявола, сатаны’ [Даль 1978 (1), 258]. После утверждения на Руси христианства оборотень и чародей выступают в песенном эпосе преимущественно в роли чудесного противника, а не героя. Кроме Вольги ни один богатырь не прибегал к таким «нечистым» приемам, как оборотничество. Когда Добрыня был против своей воли обращен в тура – золотые рога, то сделавшая это «халтурная» еретица Маринка заплатила своей жизнью, приняв смерть от богатыря.

В оборотничестве Волха-Вольги проявился еще дохристианский взгляд на этические ценности. В былинах о киевских богатырях: Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче – можно обнаружить множество элементов, отголосков, эпизодов, отражающих языческое мировоззрение, но в основе своей все эти произведения связаны уже с христианской эпохой. Богатыри в них сражаются с «погаными», т.е. язычниками. Былина о Волхе-Вольге – единственная, в которой, по словам В.Я. Проппа, отразились «межплеменные схватки, набеги» [Пропп 1999, 74], где нет ни правого, ни виноватого. В дальнейшем богатырь всегда будет отстаивать справедливость, защищаясь от нападения, но чаще защищая своих близких, свой народ, своего князя. Со временем образ колдуна, оборотня, захватчика теряет обаяние и привлекательность. Не здесь ли главная причина того, что былина о Волхе-Вольге, несмотря на присущие ей «черты некоторой грандиозности, некоторого размаха, величия, воинственности» [Пропп 1999, 70], стала очень редкой и дошла до нас всего в нескольких текстах?

Новое время противопоставило Вольге другого героя – Микулу.

Былина «Вольга и Микула» неоднократно служила объектом исследования, к ней об-

ращались многие поэты и художники, ее изучают студенты, она включена в школьную программу. В настоящее время она широко известна. Но в устной эпической традиции это произведение не столь популярно, как в среде творческой интеллигенции, знакомящейся с былинами по печатным сборникам. Если былина о Вольге-Волхе зафиксирована в различных регионах России, то «Вольга и Микула» – только в устной традиции бассейна Онежского озера. Большое количество записей (более 20) обманчиво: некоторые тексты записывались несколько раз от одного и того же певца.

Первым ее обнаружил П.Н. Рыбников. Наиболее полный и художественно совершенный текст был записан им в Кижях от Т.Г. Рябинина [Рыбников, № 3]. Впоследствии ее повторно записал А.Ф. Гильфердинг [Гильфердинг, № 73]. Обоим собирателям принадлежат также записи в Кижях от Терентия Иевлева [Рыбников, № 69; Гильфердинг, № 98], от Семена Корнилова [Рыбников, № 72; Гильфердинг, № 113], в Пудоге от Никифора Прохорова [Рыбников, № 115; Гильфердинг, № 45]. Кроме того, Гильфердингу удалось записать эту былину в Кижях от Василия Аксенова [Гильфердинг, № 131] и в Петербурге от кижанина Ивана Касьянова [Гильфердинг, № 156]; в Пудоге – от Ивана Фепопова [Гильфердинг, № 55], в Толвуе – от Петра Калинина [Гильфердинг, № 2], Ивана Грищина [Гильфердинг, № 32], на Водлозере – от Ивана Захарова [Гильфердинг, № 195] и на Кенозере – от Ивана Лядкова (Кропачева) [Гильфердинг, № 255]. В конце XIX и XX в. записи этой былины были произведены в тех же местах, в основном «по следам Рыбникова и Гильфердинга» от потомков Рябинина [Ляцкий, № 1; Соколов, Чичеров, №№ 95, 101, 103; Астахова, №№ 130, 130а], Касьянова [Астахова, № 154], Прохорова [Соколов, Чичеров, № 102]. Таким образом, 24 текста были записаны от 19 человек, представляющих 9 семейных традиций из 5 местностей (Кизи, Пудога, Толвуя, Водлозеро, Кенозеро), относящихся к Онежскому региону. Иными словами, все тексты принадлежат к одной региональной традиции. Полностью или в отрывках, коротко или развернуто – все варианты представляют одну сюжетную версию, без существенных содержательных отклонений.

Начинается песня с краткого пересказа былины о Вольге, тем самым подчеркивается связь двух сюжетов. Сообщается о рождении богатыря, которое соотносится с появлением небесных светил:

*Когда воссияло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга
[Рыбников, № 3].*

Правда, в былине о Волхе-Вольге рождение богатыря сравнивалось с появлением солнца и месяца – для этого был использован прием психологического параллелизма. Здесь же, в новом произведении, лишь указывается на время его рождения (*когда... тогда...*). Тем не менее дальнейшее повествование как будто напоминает, что речь идет о том же самом Вольге: звери, рыбы, птицы убегают, уплывают, улетают в испуге, узнав о рождении великого охотника. Напоминая содержание предыдущей былины, сказитель коротко сообщает о том, что богатырь обучался чудесным «*хитростям-мудростям*» и что он набирал «*дружинушку хоробрую*». Но Вольга нового произведения принципиально отличается от героя предыдущей былины. Резкую грань между ними ставит следующий стих:

*Жаловал его (Вольгу. – В.С.) родный дядюшка,
Ласковый Владимир стольно-киевский,
Тремя городами со крестьянами
[Там же].*

Волх-Вольга – сам полноправный правитель, он свободен в своих действиях и по собственной инициативе идет против Индейского (Турецкого) царства. Над новым Вольгой стоит более высокий государь – «ласковый Владимир», который волен казнить и одаривать и из рук которого как «жалование» получает молодой князь-богатырь всего три города с пригородами вместо самостоятельного (на своей страхе и риск) покорения чужой земли.

Былина «Вольга и Микула» отражает новую историческую обстановку. Ее герой уже не полновластный государь, а удельный князь, и он отправляется завоевывать не «*ишнее царство*», а едет в свой удел «*за получкою*». Значение последнего слова в контексте произведения неопределенно. Оно не было правовым феодальным термином. В «Материалах...» И.И. Срезневского [Срезневский 1958] и в СРЯ оно отсутствует. Зато в «Словаре русских народных говоров» оно объясняется: «оброк, поборы» [СРНГ 1995 (29), 170] и в качестве единственной иллюстрации приводится именно этот рябининский текст. Крестьянин XIX в. более точно и не мог представить себе взаимоотношений удельного князя со своими подданными, но было ясно, что Вольге уже предстоит воевать не с чужеземным царем, а со своими «*мужиками-разбойниками*».

Следующее звено былины связывает ее первую часть со второй: Вольга отправляется со своей дружиной в удельные города за *получкою* и по дороге слышит вдалеке голос неизвестного пахаря. Его имя остается загадочным до самого конца произведения. Так в произведение входит главный его герой – не богатырь, а крестьянин, пахарь – *ратай*. По словам историка И.А. Исаева, *ратай* – это «землепашец, сидящий на земле князя... По смыслу отношений, в которые он вступает с землевладельцем, это скорее арендатор земельного участка, не утративший личной свободы» [Исаев 2001, 87]. Свободный землепашец должен был быть близок онежскому крестьянину. Всё последующее содержание былины постепенно знакомит нас с этим новым персонажем.

Задолго до появления ратая Вольга слышит его громкий голос и звук, издаваемый сошкой во время пахоты, когда она, сталкиваясь с камнями и корнями, «*поскрипывает*» и «*омешики по камешкам почеркивают*». Встретились князь с крестьянином только на третий день уже после обеда. Знать, широко поле, удал добрый молодец, крепка его сошка и велики камешки, если голос пахаря слышен на расстоянии трех дней конного путешествия «*дружинушки хороброй*».

Описание труда землепашца в соответствии с поэтикой былевого эпоса представлено в гиперболическом виде: поле так огромно, что от одного края не видно другого; коренья, камни, которые встречаются на пути во время пахоты, он вывертывает «*да великия он камня вси в борозду валит*». Кобылка у ратая *соловой* масти («желтоватая, со светлым хвостом и гривой» [Даль 1978 (4), 266]), сошка – кленовая. В.Я. Бородулин называет эту породу древесины самой трудной в обработке из-за ее твердости [Бородулин 1979, 44]. «*Гужики² у ратая шелковые*». Так описаны сошка и гужики у Т.Г. Рябинина [Рыбников, № 3; Гильфердинг, № 73]. У Василия Аксенова описание орудий труда Микулы тоже прежде всего подчеркивает их крепость: «*А сошка-то была у него крепкая*». Но затем сказитель переходит на «общие места» в былевой поэтике:

*Омешики чиста серебра,
А присошек³ – красна золота
[Гильфердинг, № 131].*

² *Гужик* – петля, служащая для скрепления различных предметов [СРНГ 1972 (7), 204]. Обычно гужик изготавливался из веревки или кожи.

³ *Омешик (омеши)* – сошник, лемех [СРНГ 1987 (23), 202]; *присошник (присоха, присошек)* – отвал у сохи [СРНГ 1997 (31), 396]. Обычно омеши и присошки изготавливались из железа.

Наиболее развернутое описание сохи находим у Ивана Гришина из Толвуя:

*Сошка-то была волжская,
А во сошки-то были плотики кленови,
А на плотиках-рогачах был дорог рыбеи зуб,
Омешики на сошки были булатные,
А присошничек на омешках был красна золота*
[Гильфердинг, № 32].

Если у Гришина сошка – *волжская* (из ивы, или таволги), то всё равно наиболее важные для пахоты части: *ее плотики* (опорная часть, на которую насаживают омешики – сошники, лемеха) – *кленовые, омешики* (сами лемеха) – *булатные*. Таким образом, в описании сохи прежде всего подчеркивается ее крепость (клен, дуб, булат). Золото, серебро, рыбий зуб (моржовый клык) – традиционные эпические места, характерные для былины⁴.

Ратай на равных, свободно разговаривает с владельцем трех городов:

*А поди-ко ты, Вольга Святославович!
Мни-ка надобно Божья помочь крестьяновать...
Ай далече ль, Вольга, едешь, куда путь
держишь...*

Узнав, что князь едет в свой удел «за получкою», пахарь рассказывает, что недавно был там, покупал соли («два меха соли по сороку луд» [Рыбников, № 3]), что живут там мужики-разбойники, которые просят «грошей подорожных», и что он заплатил подорожные своею «шалыгою» (т.е. кистенем):

*Который стоя стоит, тот сидя сидит,
А который сидя сидит, тот лежа лежит,
А кой лежа лежит, тот и век не стоит*
[Рыбников, № 3].

Вольга приглашает ратая ехать вместе с ним, и незнакомец соглашается.

Следующие два эпизода былины «Вольга и Микула» построены на противостоянии крестьянина и князя, в котором победителем дважды выходит крестьянин. Князь и пахарь едут по «чисту полю». Ратай вспоминает, что он оставил в поле сошку, и просит Вольгу послать кого-нибудь из дружины, чтобы «сошка с земельки повыдернута... и бросить бы сошка за ракитов куст». Вольга посылает сначала пять, потом десять, наконец, всю «дружиниуш-

ку хоробрую» – никто не может поднять ее. Приходится вернуться самому крестьянину.

*Говорит оратай таковы слова:
– Ай же Вольга Святославович!
То не мудрая дружиниушка хоробрая твоя,
А не могут они сошки с земельки повыдернуть...*
[Гильфердинг, № 73].

Здесь наиболее полно выразилось превосходство земледельца над всей дружиной («хороброй»).

Следующий эпизод показывает превосходство мужика над князем. Оно раскрывается в сравнении лошадей Вольги и крестьянина: идет некое состязание лошадей в скорости, и победа лошади становится победой всадника. Вольга вынужден признать себя побежденным:

*Стал Вольга покрикивати,
Стал колпаком Вольга помахивати...
– Стой-ю, постой, да оратаюшко!*

Князю приходится похвалить кобылу:

*Эта кабылка конем бы была,
За эту кабылку пятьсот бы дали.*

Однако крестьянин снова «поправляет» князя: он заплатил «княжескую» цену, 500 рублей, за жеребеночка, которого взял сразу «с-под матушки» и сам вырастил в лошадь:

*Этая кабылка конем бы была,
Этой бы кабылки и сметы нет*
[Гильфердинг, № 73].

Превосходство крестьянина над князем особенно подчеркнуто в тексте Анны Михайловны Пашковой из Пудоги, записанном в 1938 г. Так, узнав, что вся дружина не может вытащить сошку, пахарь говорит:

*А стар мошник (тетерев. – В.С.), верно,
наварны ци,
А молоды черетки (чирки, утки. – В.С.), да
черви в них.*

Пашкова тут же прокомментировала: «[Приконфузил маленько]» [Парилова, Соймонов, № 8].

Поднять сошку не смог и сам Вольга:

*А он брался за сошку кленовую
Всей он силушкой молодецкою,
Резвы ноженьки да подломилися,
Очи ясны его да помутилися.
А упал Вольга да на сыру землю*
[Там же].

⁴ Ср., например, конское снаряжение богатырей с постоянным присловьем: «Не ради красы-басы, ради крепости».

В наиболее совершенных текстах имя собеседника Вольги на протяжении всего произведения не названо – всё время действует и разговаривает безымянный *оратаюшко*. Оно открывается только в заключение былины, когда Вольга спрашивает:

*Как-то тебя да именем зовут,
Как звеличают по отчеству?*

Орагай ответил не сразу. Он прежде рассказал о своей крестьянской работе:

*Ржи напашу, в скирды складу,
В скирды складу да домой выволочу,
Домой выволочу, дома вымолочу.
Пива наварю, мужичков напою
[Гильфердинг, № 73].*

Такой праздник с обязательным наваренным от нового урожая пивом существовал и назывался «*Никольщиной*» («*Микольщиной*»). Этнограф К. Завойко обратил внимание на то, что «само празднование микольщины, несмотря на свое название, справляется однако не в Николин день (6-го декабря), а гораздо ранее... Микольщина справляется в ноябре перед говением, приблизительно за неделю перед загованием на Филиппов пост» (цит. по: [Чичеров 1957, 52]). В.И. Чичеров предположил, что «именно семейно-родовой характер культа, лежащий в основе почитания Николая Чудотворца, обусловил представление о многосторонности его "пособничества", охватывающего все стороны семейной, общественной, трудовой жизни деревни и города...» [Там же]. Упоминание Никольщины мы встречаем во многих новгородских былинах о Василии Буслаеве и Садко [Новгородские былины, 7 (№ 1), 178 (№ 31)].

Рассказ о том, как пахарь наварит пиво, подводит его к тому, чтобы назвать свое имя. Отпробовав пива, благодарные мужички будут пахаря «*покликивать*»: «*Ай ты молодой Микулушка Селянинович!*»⁵ [Гильфердинг, № 73].

Так заканчивается былина. В ее сюжете нет никакого событийного движения: никто ни с кем не сражается, никто никого не защищает и не спасает (бой Микулы с разбойниками – в рассказе самого Микулы), хотя формула «предварительной недооценки героя» действую-

⁵ Селянинович – от распространенного в Древней Руси имени *Селянин*, обозначающего жителя села. Оно не имело словосного значения. В словаре Н.М. Тупикова указаны обладатели такого имени из различных социальных групп: боярин, хохол, подьячий, ратай, дворянин, «волостной человек» [Тупиков 1903, 409].

ет без отказа. Связанное с былинной о Вольге напоминание о том, как родился и воспитывался богатырь, создают изначальное соотношение: сильный и мудрый князь-дружинник-богатырь и простой крестьянин. Содержание произведения последовательно рисует превосходство по всем статьям последнего над первым. Заключительный аккордом в этом противопоставлении является имя крестьянина – Микула. Само имя должно нести в себе разгадку превосходства ратая над князем.

Микула – диалектный вариант имени *Никола*. Никола – такова до середины XVII в. (реформы патриарха Никона) была общепринятая «каноническая форма имени святого Николая в России» [Успенский 1982, 3]. Вызывались предположения, что Микула и есть св. Николай. Но это не так. В новгородской земле, где существовало диалектное произношение Микула, в письменных источниках (прежде всего писцовых книгах) было строгое разграничение «между мирским Микулой и церковным Николаем, т.е. форма Микула употребляется при наименовании людей, а Никола – в отношении святых» [Там же]. Святого Николая никогда бы не назвали Микулой. Так мог именоваться только обыкновенный человек, такой же, как Илья Муромец, Добрыня или Алеша; он мог быть очень сильным, мужественным, но не имеющим никаких особенных качеств. В этом он противостоит оборотню Вольге, как Добрыня – змею, Алеша – крылатому Тугарину Змеевичу.

Заключительная часть былины настойчиво подчеркивает, что перед нами простой крестьянин, который всю жизнь пашет, скирдует, молотит и т.д. – занят крестьянским трудом. Именно этот труд является причиной любви и уважения к нему односельчан. Он пахарь, причем не чудесный пахарь, а просто пахарь, житель села – Селянинович. И не святой, а мужик. Однако его святым патроном является Николай Чудотворец, Угодник – и этого вполне достаточно. По словам Б.А. Успенского, св. Николай «занимает совершенно исключительное место в русском религиозном сознании. Никола – наиболее чтимый русский святой, почитание которого приближается к почитанию Богородицы и даже самого Христа» [Успенский 1982, 6]. Вместе с тем само имя пахаря показывает, что он христианин, поскольку такое имя он мог получить только при крещении; а значит, и все дела его – с Божьей помощью.

Образ Микулы известен только онежскому региону. Но кроме былины «Вольга и Микула» он встречается в двух других сюжетах, зафиксированных П.Н. Рыбниковым. Оба упо-

минания Микулы – в прозаических текстах. Первый сюжет посвящен Святогору и сумочке («с тягой земной»). Богатырь видит прохожего и пытается его обогнать: поедет во всю рысь – прохожий идет впереди, *ступою*⁶ едет – прохожий всё так же идет впереди [Рыбников, № 51] (быстрота передвижения прохожего напоминает эпизод в былине «Вольга и Микула», в котором Вольга никак не может на своей лошади обогнать кобылу пахаря). Здесь Святогор вынужден попросить прохожего остановиться. Тот послушался, снял с плеч сумочку и предложил Святогору поднять ее с земли. Богатырь «захватил сумочку рукою, не мог пошевелить». «Сам по калено в землю увяз», но сдвинуть ее не смог. Прохожий объяснил ему, что в ней заключена «тяга земная». И на вопрос Святогора о его имени отвечает: «Я есть Микула Селянинович». В данном тексте отсутствует хвастовство Святогора, которое имеется в варианте [Рыбников, № 86]: «Как бы тягинушка, так я всю землю поднял» [Там же]. Но в тексте № 86 нет прохожего, в нем сразу после хвастовства повествуется о том, как богатырь «наезжает в степи о маленькую сумочку переметную», которую он так и не смог поднять: «Тут ему было и кончение». Рассказчица объяснила: «Тяги-то земли он нашел, а Бог его и попутал за похвальбу». Надо полагать, что в тексте № 51 отсутствие хвастовства героя – результат дефекта памяти рассказчика, что замысел всего этого эпизода заключается в расплате за попытку возвысить себя. Таким образом, здесь Микула Селянинович творит Божью волю за грех гордыни: «Всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» [Лк. 14, 11].

Сакральный характер образа Микулы проступает и в другом эпизоде. Калики переходящие, исцелив Илью, просидевшего сиднем 33 года, предупреждают его, что он не имеет теперь себе равных по силе, кроме *Самсона-богатыря* (у него в голове семь волосков ангельских), *Вольги Сеславича* (он не силоу возьмет, так хитростью-мудростью) и *рода Микулова* (его любит Матушка-сыра земля) [Рыбников, № 51]. Эту же мысль мы находим в тексте № 190: «А сильнее тебя (Ильи. – В.С.) на белам свете <...> (кроме Самсона и Вольги. – В.С.) от матушки сырой земли Микула Селянинович».

Значение образа Матери-земли в народном мировоззрении раскрыл Г.П. Федотов. Он пи-

сал: «Среди всего космоса она (Мать-земля. – В.С.) образует особое глубинное средоточие, с которым связана самая сердцевина народной религиозности» [Федотов 1991, 71]. Н.И. Толстой, комментируя Г.П. Федотова, писал, что народная религия, опирающаяся на православие, генетически «складывается из трех слов: из древней языческой религии Матери-Земли, на которую легли два христианские пласта – религия закона (канонический устав Церкви) и религия жертвенного кенозиса (живая традиция святости)» [Толстой 1991, 9]. Однако древнерусский человек средневековья осознавал себя христианином и как христианин находился в глубокой оппозиции к язычеству, несмотря на множество языческих элементов, часть из которых сохранилась в сознании людей до настоящего времени⁷.

Как всякое подлинное произведение искусства, былина «Вольга и Микула» многозначна. В ней показано не просто физическое и моральное превосходство пахаря над князем и его дружиной, человека труда над человеком войны (тем более войны междоусобной, своекорыстной), но и дано противопоставление жизненных позиций: личного обогащения и труда на радость людям. Однако подлинный, глубинный смысл былины заключен в демонстрации победы нового мировоззрения, христианства, над язычеством с его хтоническими мифологическими героями, обладающими сверхчеловеческими возможностями, «хитростью-мудростью».

Источники

- Астахова – Астахова А.М. Былины Севера. М.; Л., 1951. Т. 2.
 Гильфердинг – Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. 4-е изд. М.; Л., 1949 – 1951. Т. 1 – 3.
 Гуляев – Былины и исторические песни из Южной Сибири. Записи С.И. Гуляева. Новосибирск, 1939.
 Кирша Данилов – Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. СПб., 2000.
 Ляцкий – Ляцкий Е. Сказитель И.Т. Рябинин и его былины. М., 1895.
 Марков – Беломорские былины, записанные А.В. Марковым. М., 1901.
 Новгородские былины – Новгородские былины / Сост. Ю.И. Смирнов и В.Г. Смолицкий; Отв. ред. Э.В. Померанцева. М., 1978.

⁷ Во времена княгини Ольги слово *поганый* означало язычника и было эмоционально нейтральным. Недаром она сама, прося о крещении, говорила о себе: «Аз погана есмь» [ПВЛ, 29]. Но со временем слово получило ярко выраженную отрицательную эмоциональную окраску, ср.: «Поганый – гадкий, мерзкий, пакостный, скверный» [Даль 1978 (3), 153].

⁶ «Ступа, ступь – самая тихая походка, едва переступая, шаг за шагом, волоча ноги» [Даль 1978 (4), 348].

Ончуков – Печорские былины. Записал Н. Ончуков. СПб., 1906.

Парилова, Соймонов – Былины Пудожского края / Подгот. текста, статья и примеч. Г.Н. Париловой и А.Д. Соимонова. Петрозаводск, 1941.

ПВЛ – Повесть временных лет. СПб., 1999.

Рыбников – Песни, собранные П.Н. Рыбниковым / Под ред. А.Е. Грузинского. 2-е изд. М., 1909 – 1910. Т. 1 – 3.

Соколов, Чичеров – Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. Ю.М. Соколова; Подгот. текстов, примеч. и словарь В.И. Чичерова. М., 1948.

Литература

Бородулин 1979 – *Бородулин В.Я.* Основы художественного мастерства. М., 1979. Т. 2.

Даль 1978 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1 – 4.

Жданов 1895 – *Жданов Н.* Русский былевой эпос. СПб., 1895.

Жирмунский 1962 – *Жирмунский В.М.* Народный героический эпос. М.; Л., 1962.

Исаев 2001 – *Исаев М.А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов. М., 2001.

Морошкин 1867 – *Морошкин М.* Славянский именослов, или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867.

Новиков 2001 – *Новиков Ю.А.* Былина и книга. СПб., 2001.

Погодин 1853 – *Погодин М.* О частной жизни князей в древности до нашествия татар // Москвитянин. М., 1853. № 11. Отд. III. С. 65–96.

Пропп 1999 – *Пропп В.Я.* Русский героический эпос. М., 1999.

Скафтымов 1994 – *Скафтымов А.П.* Поэтика и генезис былин. Саратов, 1994.

Срезневский 1958 – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. М., 1958. Т. 1 – 3. (Репринт издания: СПб., 1893 – 1912).

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М., 1965 – изд. продолжается.

СРЯ 1975 – Словарь русского языка XI – XVII вв. М., 1975. Вып. 2.

Толстой 1991 – *Толстой Н.И.* Несколько слов о новой серии и книге Г.П. Федотова «Стихи духовные» // Федотов Г.П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991. С. 5–9.

Тупиков 1903 – *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен // Записки отделения русской и славянской археологии Имп. Русского археологического общества. СПб., 1903. Т. VI.

Успенский 1982 – *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.

Федотов 1991 – *Федотов Г.П.* Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991.

Фроянов, Юдин 1997 – *Фроянов И.Я., Юдин Ю.И.* Былинная история. СПб., 1997.

Чичеров 1957 – *Чичеров В.И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI – XIX веков. М., 1957. (Труды Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Т. 40).

Т.В. ХЛЫБОВА
(Москва)

ОБРАЗ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ В ДУХОВНЫХ СТИХАХ

Предваряя рассказ о житии и деяниях святителя, Симеон Метафраст писал: «Житие божественного отца Николая как едва ли какое другое услаждает слух, радует душу и путеводит к добродетели. Нам должно, по мере своих сил, пересказать его и представить словом (хотя оно известно большинству и знакомо) лишь одного ради, чтобы привести на память и тем усладить души, стремящиеся к добродетели» [Метафраст 1994, 140]. Пафос этого высказывания вполне оправдан: едва ли найдется другой святой, чьи авторитет и популярность у разных народов были бы так высоки. В древней русской письменности, по замечанию М.Н. Сперанского, один только перечень сказаний о нем «занимает в известной книге Н.К. Никольского "Материалы для поврежденного списка русских писателей и их сочинений" (СПб., 1906) почти сто страниц мелкой печати» [Сперанский 1921, 124]. Если обратиться к фольклорной культуре – после исследований Е.В. Аничкова и Б.А. Успенского [Аничков 1892; Успенский 1982] вряд ли стоит добавлять какие бы то ни было подтверждения незаменимости святого в разных сферах народной жизни.

В свете сказанного особенно любопытным кажется то обстоятельство, что образ Николая Чудотворца, столь значимый в русской культуре в целом, в духовной поэзии народа разработан мало и основной корпус стихов представлен по большей части образцами поздней традиции. Обратившись к самому полному собранию духовных стихов – сборнику «Калики переходные» П.А. Бессонова, обнаружим, что при наличии разнообразных сюжетов, посвященных святителю, число их вариантов невелико. Одна группа представляет собой эпические стихи:

• Святитель Никола и Василий (Чудо об Агриковом сыне Василии) – 3 варианта [Бессонов, №№ 126 – 128];

• Святитель Никола и Христофор – 1 рукописный вариант [Бессонов, № 129]¹.

¹ Мы не рассматриваем №№ 130 и 131 – сербский и болгарский тексты на другие сюжеты.